

18+

Серафина Рив Френдзона

<https://litres.ru/73565384>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что происходит, когда дружба пересекает черту? Лера узнает об измене жениха в самый неподходящий момент. В состоянии шока она находит утешение у Дениса друга детства, который всегда был рядом. Но одна ночь меняет все. Теперь ей нужно разобраться не только в чувствах к двум мужчинам, но и в себе самой.

Это история о том, как боль от предательства может превратиться в шанс найти настоящую любовь там, где ее меньше всего ждешь. О выборе между безопасным, но разрушенным прошлым и непредсказуемым, но честным будущим. И о том, что иногда лучшие любовные истории начинаются не с поцелуя, а с ошибки.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Необычные обстоятельства	7
Глава 2. Опоздала	27
Глава 3. Прощание	48
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Серафина Рив Френдзона

От автора

Привет! Меня зовут Фина, я автор этого романа и я приветствую вас на страницах этой книги!

В этой главе я просто хочу немного поболтать и рассказать о романе. Она не несет никакого сюжетного смысла, поэтому её можно смело пролистать!

Когда-то давно я уже написала этот роман. Его рабочее название было «Френдзона». Это история о Лере, скромной и доброй девушке. О предательстве жениха Ярослава и неожиданном повороте судьбы, который связал её с лучшим другом Денисом. Это была моя первая попытка исследовать темы любви, утраты, дружбы и поиска себя. История, рождённая из смутных чувств, неопытности и стремления создать что-то своё.

С годами я повзрослела как автор и как человек. Этот текст уже давно казался мне наивным, диалоги – натянутыми, а развитие чувств – слишком стремительным. Я понимала, что та версия меня, что писала «Френдзону», уже давно выросла. Казалось, что пора отправить эту историю в ящик с ранними работами, но персонажи не отпускали меня.

Их судьбы, ошибки, надежды и боль не давали покоя. Я осознала, что в этой истории есть нечто важное – искреннее исследование сложных чувств, предательства и шанса начать заново. Я поняла, что Лера, Денис и их история заслуживают большего, чем я дала им тогда.

И я решила вернуться.

Не просто переписать, а полностью переосмыслить эту историю. Пройти по знакомым тропам, но уже с новым взглядом, опытом и пониманием.

Я постаралась сохранить ту искру и искренность, которые привлекли меня в этой истории изначально.

Эта книга – не просто переработка раннего текста. Это диалог между мной нынешней и той девочкой, которая мечтала рассказать свою первую историю. Это признание в том, что даже самые первые, несовершенные шаги на пути писателя имеют значение. Они закладывают фундамент, и иногда этот фундамент оказывается прочным, чтобы на нём можно было возвести что-то настоящее.

Надеюсь, вы полюбите Леру и Дениса так, как полюбила их я, и как полюбила та, кто начала их историю много лет назад. Спасибо, что разделите со мной это путешествие через призму времени и опыта.

Одевайтесь теплее холодной осенью и снежной зимой, и обманчиво теплой весной, и пусть эта история согреет ваше сердце.

С теплом и любовью,

Фина Рив.

Глава 1. Необычные обстоятельства

Вино обжигало горло, а слезы застилали глаза, когда я, изрядно пошатываясь, стояла перед дверью Дениса. Телефон настойчиво трезвонил в сумке.

Я знала: звонил Ярослав. Поэтому трубку и не брала. Пусть идет к черту. Нет! Он сам тот ещё черт. Или козел. В общем, что-то рогатое.

Я прикрыла глаза от усталости. А что я вообще должна ему ответить? Он поступил как последняя скотина.

Я нажала на дверной звонок и задержала дыхание, слушая, как Денис подходил ближе к двери. Денис с детства был моим лучшим другом. Только ему я сейчас могла довериться.

Дверь открылась, и моё сердце рухнуло куда-то вниз. Мой Дэн стоял в одних спортивных штанах и вытирал мокрые черные волосы полотенцем. Капельки воды спускались по его торсу, поблескивая в тусклом свете коридора. Его глаза, обычно такие спокойные, были широко распахнуты от удивления.

– Лера? Что случилось? Ты чего здесь? – Его голос был мягким, но в нем прозвучала тревога.

Я не смогла выдать из себя ни слова, просто шагнула

вперед и обняла его, уткнувшись лицом в его горячую грудь. От него пахло шампунем и чем-то родным и знакомым. Он крепко обнял меня одной рукой, а другой коснулся моих волос. Я подавилась слезами. Я не могла произнести ни слова. Как мне сказать ему, что эта скотина мне изменила? Держать это в себе было больно и невозможно тяжело, но я не могла произнести ни слова, тихо захлёбываясь слезами.

Прикосновения Дениса были привычные, успокаивающие, но сегодня они вызывали лишь новую волну слез.

– Шшш... Всё хорошо. Ты здесь, всё хорошо, – шептал он, ведя ее в квартиру. – Сними пальто, ты вся мокрая.

Он отстранил меня от себя. Я осталась на месте, как кукла, и позволила снять с себя верхнюю одежду. Я чувствовала себя такой жалкой, такой маленькой...

Три года. Три года коту под хвост. Я не понимала, что я сделала не так. Я же любила его. За что он так со мной поступил?..

Телефон снова зазвонил, и я непроизвольно вздрогнула. Денис осторожно взял из моих рук сумку и достал телефон.

– Отключи, – попросила я. Голос прозвучал хрипло. Я прикрыла глаза. Сил не было никаких.

Когда телефон замолк, я почувствовала нежное прикосновение Дениса к моему плечу. Он осторожно потянул меня в сторону гостиной. Я не сопротивлялась.

Усадив меня на диван, Дэн принес мне воды. Он сидел рядом, когда я жадно пила воду мелкими глотками. Мне ужас-

но хотелось пить.

Я прокручивала в голове всё, что случилось.

Ещё утром я была счастливой невестой, а сейчас... Сейчас я сидела пьяная в стельку у Дениса в квартире. Во мне уже было три бутылки дешёвого вина. Было бы четыре, но Яр нашёл меня раньше, чем я успела её заказать. Разговаривать я с ним не хотела, поэтому просто прыгнула в такси до Дениса.

– Хочешь рассказать? – спросил он, садясь рядом, но не слишком близко. – Или пока просто помолчим?

Я посмотрела на него. На его широкие плечи, на руки, которые сейчас так заботливо касались меня, на глаза, полные искреннего беспокойства.

«Почему он всегда такой... идеальный?» – пронеслось у меня в голове.

Внутри что-то щёлкнуло. Страх. Гнев. Боль. И отчаянное желание забыть. Забыть о предательстве, о его руках на моём теле и о том, что они ласкали другую.

Я резко встала, и голова немного закружилась. Меня пошатнуло, и Денис подскочил, придерживая меня.

Я повернулась и сделала шаг к нему, встав почти вплотную. Мне было жизненно необходимо его тепло. Его запах, его близость – всё, что могло заглушить остроту предательства.

Его глаза расширились от удивления, но я не дала ему отшатнуться. Мои руки сами сорвались с места, обхватили его

лицо. Я прижала губы к его, глуша собственный всхлип.

– Лер... – он попытался отстраниться, но я не дала. Его голос дрогнул, полный растерянности и тревоги.

Мой поцелуй не был нежным, скорее, диким отчаянием. Я целовала его так, будто хотела впитать его в себя, доказать себе, что я ещё жива, что душа ещё способна чувствовать что-то кроме боли. Вкус его губ горчил, как крепкий зелёный чай – горечь, смешанная с отчаянием.

Он замер на миг. Потом попытался оттолкнуть меня мягко, но настойчиво.

– Лера, что ты делаешь? Мы... – начал он.

Я не дала ему закончить, обхватила его шею, снова впираясь глубже. Его руки напряглись на моей спине, пытаюсь меня сдержать, но моя настойчивость, подпитанная вином и яростью, была сильнее. Он сдался. Его руки сомкнулись у меня на затылке, и поцелуй стал взаимным, страстным, но в нём всё ещё звенела его растерянность.

– Лера... – он выдохнул, когда я отстранилась на мгновение, хватая воздух. В его глазах горели искры – не только страсти, но и страха. – Мы не должны...

Его слова оборвались моим новым натиском. Я вела его к спальне. Вино окончательно стёрло границы, осталась только боль – острая, как нож, – и желание забыть эту боль. И тепло Дениса. Знакомое, но вдруг ставшее желанным, как спасательный круг в бушующем море.

Я повалила его на кровать. Денис страстно поцеловал

меня, прижимая к себе всё крепче. Его язык настойчиво и властно проникал внутрь. Меня вновь захлестнула волна удовольствия, смешанная с горечью. Я чувствовала себя такой расслабленной, такой покорной в его руках, но одновременно и такой пустой. Мне не хотелось никуда торопиться, не хотелось думать. Только чувствовать. Забыться.

Внезапно Денис прервал поцелуй и жадно впился губами в мою грудь. Я вскрикнула от неожиданности и дёрнулась. Он удержал. Нежно, но настойчиво.

Я не помнила, как оказалась под его сильным телом, помнила только, как он ласкал мою грудь. Сначала нежно и ласково, а затем грубо и страстно.

Я выгнулась ему навстречу, а он потянул за резинку моих трусиков и спустил их вниз.

Я чувствовала его губы на своей ключице, на животе. Его руки скользили по моему телу с уверенностью и нежностью. Я закрыла глаза, отдалась приятной нежности его прикосновений, стараясь не думать. Сейчас не время думать. Только чувствовать.

Денис покрывал моё тело короткими, торопливыми поцелуями. Казалось, что он спешит. Как будто мы совершали нечто запретное, неправильное, и он очень боялся, что я передумаю.

Передумаю... Чёрт. Я действительно засомневалась. Это всё было неправильным. Я совершала ошибку. Самую жестокую в моей жизни ошибку. Наверное, выпила я недоста-

точно много, потому что до меня наконец начало доходить происходящее.

Я дёрнулась в попытке вырваться и отстраниться, но он уже не позволил. Держал крепко.

Я прикрыла глаза, когда он провёл губами ниже до моего живота и нежно поцеловал. Меня затрясло мелкой дрожью. К чёрту! Теперь мне было плевать на ошибку, которую я совершала. На то, что это неправильно.

Страсть, нежность, злость, боль – всё это смешалось во мне и было готово вырваться. Сейчас существовал только он. Его губы. Его руки. И мои чувства.

Денис расстёгнул ширинку брюк, и я почувствовала его желание. Он хотел меня, это было очевидно. А я... А мне сейчас это было необходимо. Быть желанной.

Он аккуратно раздвинул мои бёдра в стороны, и я замерла. Даже дышать перестала, пока он медленно двигался. Я чувствовала, как он вошёл в меня, и выгнулась ему навстречу.

– Тише, тише, – Денис шептал мне что-то успокаивающее, – тише, девочка моя.

Я вскрикнула, когда он снова вошёл в меня до конца. Мои бёдра сжались, а Денис снова медленно вышел из меня только для того, чтобы через секунду заполнить меня до предела.

Он двигался медленно, нежно и чувственно. Денис старался контролировать себя, но было видно, что ему это стоило определённого усилия. И я его понимала. Сейчас я хотела его. Сильнее, чем кого-либо в жизни. Он снова нашёл мои

губы, и я ответила ему, отдавая всё, что было у меня сейчас: боль, желание, отчаяние, нужда в ощущении его близости. Мы двигались вместе, словно двое потерянных в море людей, удерживающие друг друга ради того, чтобы не утонуть.

Его движения были мощными, размашистыми, и я не могла сдерживать крик – крик боли, отчаяния, облегчения, желания. Мы двигались в этом ритме, разрушая всё на своём пути: границы, дружбу, мою верность Ярославу. Волны дикого, почти болезненного удовольствия накрывали нас обоих, стирая сознание. Я закрывала глаза, пытаюсь представить не его лицо, а пустоту, забвение, чтобы не думать о том, какая же я дура, но его руки, его губы, его тело – всё это было слишком реальным, слишком... Денисом.

Он с силой входил в меня снова и снова, словно пытаюсь заполнить ту пустоту, которая отчаянно прожигала моё сознание. Денис не смотрел мне в глаза, но я и сама отводила взгляд.

Когда последняя волна прокатилась по телу, оставив после себя лишь истощение и осознание, Денис отстранился, лёг рядом, тяжело дыша. Тишина повисла между нами, густая и неловкая. Он повернул голову и посмотрел на меня. Его лицо было серьёзным, но не осуждающим.

– Ответишь? – тихо спросил он, кивнув в сторону столика, где вибрировал уже его телефон. – Он не унимается.

От его голоса я внезапно протрезвела. Его слова были для меня как ледяной душ посреди жаркого дня. Господи, что

только что произошло?! Я изменила Ярославу! Слёзы показались по щекам, и к горлу подступил ком. Я отвернулась, закрыв лицо руками.

– Что случилось? – спросил Денис, его голос стал мягче, он осторожно положил руку мне на плечо, успокаивающе глядя по спине. Он посмотрел на телефон и глубоко вздохнул.

– «Ярослав», – прочитал он на экране. – Всё понятно.

Он поднял трубку.

– Да, привет, Яр. Всё нормально, она у меня, не волнуйся, с ней всё хорошо. Что у вас случилось? Она уже час плачет у меня на кухне. Да, конечно, приезжай, но я не гарантирую, что она будет с тобой разговаривать. Хорошо. Да, понял. Жду.

Он положил трубку. Я мельком глянула в его сторону. Мне было интересно, что эта скотина ему наговорила. Наверное, оправдывался, выставлял меня виноватой...

Денис присел напротив меня и взял мои руки в свои. Они были горячие. У него всегда были горячие руки.

– Послушай меня. – Он говорил медленно и чётко, будто объяснял что-то маленькому ребёнку. – Мы ничего ему не скажем. Он ничего не узнает. Я не хочу рушить ваши отношения, мне это не нужно. То, что между нами произошло... это была ошибка. Случайность. Ты меня поняла?

Я закивала, вытирая слёзы. Конечно... Ошибка. Случайность. Так легко свести всё к этому. Я же и сама понимала,

что это ошибка, но почему-то было больно от мысли, что он тоже считал это ошибкой...

– Одевайся, – сказал он, отпуская мои руки. – Я жду тебя на кухне, пойду поставлю чайник.

Он вышел, оставив меня одну. Удивительно, как он может быть таким спокойным после того, что между нами произошло. Я сидела на краю кровати, чувствуя себя грязной, опустошённой. Быстро одевшись в свои вещи, я, умывшись ледяной водой, зашла на кухню.

– Кофе? – спросил он, не оборачиваясь.

– Да, – прошептала я. Кофе я не хотела, но желание хоть чем-то занять время было сильнее. Мне не хотелось чувствовать неловкость, хотелось снова почувствовать себя в своей тарелке.

Он поставил передо мной чашку, добавил сахар – как я люблю. Молча. Ни упрёков, ни жалости в глазах. Только тишина и этот проклятый пар над кофейной кружкой, будто дым от того самого пожара, который мы только что развели между собой и тут же задушили. Ошибка. Это была самая главная ошибка в моей жизни, и самое страшное, что я совсем не жалела.

Я сжала чашку руками, чувствуя тепло сквозь фарфор. Хотела сказать «спасибо», но голос предательски дрогнул:

– Зачем ты ему сказал... что всё хорошо? – Я вообще не понимала, что сейчас произошло между нами. Почему Денис вообще поддался на мою провокацию.

Денис поднял глаза. Взгляд был уставший до невозможности – не телом, а душой.

– А что я должен был сказать после измены своей подруги её жениху со мной? – Он горько усмехнулся. – Лера... Сделаем вид, что ты оказалась на этой кухне просто потому, что плакала на пороге моего дома после буйного разговора со своим будущим мужем. Так будет проще... для всех.

Он сделал паузу, глядя в окно. За стеклом моросил дождь, цепляясь за раму мокрыми слезами.

– А теперь пей кофе. И соберись. Потому что через полчаса придёт Ярослав. А мне совершенно не хочется принимать участие в ваших разборках.

Он помолчал, а потом внимательно посмотрел в мои глаза. Мне было больно от его холодности. Я не понимала его.

– Что у вас произошло?

Я отвела голову, и он увидел синяк на моей скуле.

– Это он сделал? – сквозь зубы спросил Денис.

Я коснулась пальцами щеки. Яр меня не бил, нет. Я помогла головой.

Денис поджал губы.

– Ладно. Но если ты решила его покрывать, знай: на меня можешь не рассчитывать, я не хочу быть запасным аэродромом.

Его голос остался ровным. Но я чувствовала, что он был зол и раздражен.

– Я к нему больше не вернусь, – я отвернулась и всхлип-

нула. Нет, Яр не поднимал на меня руку. Он просто мне изменил. Просто полгода трахал другую женщину.

Он молча кивнул, принимая это как факт. Чуть погодя спросил:

– Ты голодна? Я могу что-то сварганить.

Она помотала головой.

– Не нужно, спасибо.

Он тоже молча кивнул, делая глоток из своей чашки. Часы на стене показывали половину шестого. Секунды монотонно двигались, отсчитывая время до прихода Ярослава.

Мы продолжали сидеть молча, только звук дождя за окном и редкие гудки машин нарушали тишину.

– Я уйду сейчас, – буркнула я, поднимаясь со стула, – прости, что побеспокоила.

Я прошла мимо него к выходу с кухни. Мне было больно. Просто больно. Не из-за Дениса, не из-за измены Яра, а скорее из-за того, что моя прошлая стабильная и спокойная жизнь разрушилась. Теперь впереди была только неизвестность. Пугающая и болезненная.

– Лера, – окликнул меня Денис.

Я остановилась у дверного проёма, стараясь не разрыдаться. Денис подошёл ко мне и внимательно на меня посмотрел. Я ответила тем же. Он первый отвёл глаза.

– Не делай глупостей, – мягко прошептал он.

– Я не буду разговаривать с Ярмом! – сказала я, дёрнувшись из его рук. Одна мысль о бывшем меня злила. Он не заслу-

живает этого разговора.

– Я знаю, что будешь. – Он снова положил руку мне на плечо. – Просто постарайся успокоиться к его приходу... Я знаю его, понимаешь? Он не оставит тебя, даже если начнёт ссориться. Вы просто поговорите, и всё наладится. Хорошо?

Я помотала головой.

– Никогда больше не будет хорошо! – крикнула Лера. – Пошёл он к чёрту! Урод...

– Вы поругались? – тихо спросил Денис. – Почему он среди ночи ищет тебя по всему городу?

– Поругались, – усмехнулась я горько. – Не то слово. Кажется, я его бросила...

– Вот как, – загадочно кивнул Денис. – И что же он такого натворил?

– Ошибся в свадебных приглашениях, – выдохнула я, протягивая ему конверт, который утром должен был стать моим билетом в будущее, а теперь был просто клочком бумаги, ознаменовавшим конец настоящего.

– Всего-то? – он взял конверт, нахмурился, наверное, он думал, что там какая-то мелочь. Например, не тот цвет бумаги... – Девушки... Любите же вы всё преувеличивать, – снисходительно сказал он и потрепал меня по голове.

– Лерка, мы в таких мелочах не разбираемся. Я уверен, что ваши приглашения выглядят прекрасно. Ну-ка, где моё? – с улыбкой спросил Денис, вытаскивая из конверта картонку.

Какая глупая улыбка. Словно ничего не произошло. Словно я не стояла перед ним, раздавленная вдребезги. Он пробежался глазами по тексту. Перечитал несколько раз.

– Это что? – нахмурившись, спросил он, глядя на конверт, а потом на меня.

Я усмехнулась. Как будто я он не знает, что я бы не стала истерить просто так.

– Приглашение на свадьбу Ярослава и Полины, – спокойно ответила я.

Спокойно? Кого я обманываю? Разве я сейчас способна на что-то, кроме этого мнимого спокойствия? Когда их только привезли, я, конечно, отреагировала иначе, но сейчас мне было просто все равно.

– Может, ошибка типографии? – предположил Денис, непонимающе смотря на карточку.

Типография? Ошибка? Я тоже так сначала подумала. Я так хотела в это верить...

– Нет, – вздохнула я. – Он во всём признался. Я вспомнила, как побледнел Ярослав, когда увидел приглашение. Как стоял передо мной на коленях, умоляя: «Лерка, это не то, что ты думаешь! У нас с ней ничего не было! Мы только познакомились, у нас было только одно свидание! Лерчик, прости меня!»

Прости? Легко сказать. А что, собственно, я должна была сделать? Поблагодарить за откровенность? Попросить продолжения? Я просто ушла. Молча сняла кольцо и ушла. Это

было решающее действие. Точка. Больше ничего не будет. Сначала я сидела в баре неподалёку от дома, но там он меня нашёл. Он был везде. Он преследовал меня. Потом я поехала в клуб к своей мачехе, но и там мне не удалось долго прятаться. Нигде нет спасения. Нигде. К тому времени я уже выпила около трёх бутылей вина и поехала сюда.

Денис слушал меня внимательно, не перебивая. Казалось, он понимал меня гораздо лучше, чем я ожидала, лучше, чем я могла себе представить. Или мне только казалось? Может, он просто слушал, потому что не знал, что сказать?

Он снова развернул конверт и пробежался глазами по строчкам на открытке. Внутри меня что-то сжалось, когда я увидела, как на его лице мелькнул едва уловимый отблеск эмоций – наверное, отвращение или негодование? Но он сразу же взял себя в руки и поднял глаза на меня.

– Он мне изменил, Дэн. Мне не о чем с ним разговаривать, – выдохнула я, – я никогда к нему не вернусь.

Тишина между нами сжалась, став густой и тяжелой, как свинец. Он не отводил взгляда, и его пристальный взгляд, обычно такой уверенный и спокойный, теперь скользил по моему лицу с почти болезненной обеспокоенностью.

Я видела, как он сделал шаг, и его движения стали медленнее. Он боролся с собой. Мне так хотелось, чтобы он сейчас прижал меня к себе. Обнял, поцеловал.

Его руки, обычно такие уверенные, дрогнули, прежде чем коснуться моего плеча – через тонкую ткань платья я чув-

ствовала жар его рук. Пальцы легли на кожу, и тепло его ладоней только усилило контраст, заставив меня вздрогнуть от неожиданности прикосновения.

Он не сжимал, не требовал – просто держал. Мне казалось, он пытался передать мне часть своей опоры, которой мне отчаянно не хватало в этот момент.

Его голос сорвался с шёпота на чуть более бормотание:

– Ты... уверена в этом? – Он сделал паузу, глотая ком в горле, его взгляд утопал в моих глазах, пытаясь уловить даже малейший проблеск сомнения. – Не простишь?

– Абсолютно, – выдохнула я. Мой голос дрогнул на последнем слоге, едва не сорвавшись на хрип. Я была уверена, что я не прощу. Я не позволю ему вытирать об себя ноги. Я ненавидела ложь, а Ярослав врал мне почти три года. Я больше была не намерена быть с ним.

Дэн кивнул, его пальцы на моих плечах дрогнули, и он сильнее притянул меня к себе.

– Если это твой выбор, то я не пущу его, – спокойно сказал Денис, – Если приедет, я его прогоню.

Я кивнула и отвернулась к окну. За стеклом лил дождь. Всё сильнее и сильнее.

– Постелю тебе в Машкиной комнате... – вздохнул Денис, – Машка сегодня у подруги. Здесь ты в безопасности.

Я кивнула и села на стул, взяв в руки чашку кофе. Пальцы впились в горячий фарфор чашки. Денис молчал, глядя на меня. Он знал меня слишком хорошо, чтобы нарушить эту

тишину.

Спустя двадцать минут звонок в дверь заставил меня вздрогнуть. Денис молча встал и ушёл. Я услышала приглушённые мужские голоса, а затем дверь захлопнулась. Я вышла в коридор. Там стоял только Денис с большим букетом алых роз.

– Он уехал, – сказал он, протягивая мне цветы. – Но просил передать.

Я взяла букет, повернулась и подошла к окну, холодное стекло контрастировало с теплом комнаты. Без единого колебания я швырнула розы на холодный асфальт внизу. Раздался тихий, удовлетворяющий звук удара. Это был физический отказ от его извинений, от ложной надежды, которую он пытался предложить.

Затем моя рука потянулась к карману, вытащила пачку сигарет. Пальцы дрожали, когда я достала одну и прикурила. Первая затяжка обожгла горло, оставив кислый привкус, заставивший меня кашлять. Но в этот момент жжение было желанным. Это была резкая, неоспоримая боль, которая прорезала туман шока и сердечной боли. На секунду физическое ощущение заглушило эмоциональный хаос внутри меня. Это ощущалось как спасение.

– Как ты? – спросил Денис, стоя в дверном проёме.

– Жива, – выдохнула я, выпуская дым в открытое окно.

– Но ты же не курила, – сказал он и подошёл ближе. Тень от него упала на меня.

– Теперь курю, – резко сказала я и сделала затяжку.

Денис выхватил у меня сигарету и прижал её к стене, гася.

– Давай без глупостей.

Но я уже тянула руку за второй.

Денис сел рядом, молча выхватил у меня сигарету и сделал затяжку. Его дым смешался с мятным ароматом его одежды и закружил мне голову.

– Знаешь, что во мне тебя бесит? – спросил он. Его голос был хриплым.

– Что? – я не открыла глаза.

Он повернулся, выхватил у меня пачку сигарет и выбросил её в окно.

– Ты всегда наказываешь не того, – сказал он. – Ярослав облажался, а ты сама себя губишь. Куришь потому, что это ему не нравится, делаешь больно тем, кто тебя любит. А им остаётся только стоять и смотреть, как ты угасаешь, и ждать, когда же ты перестанешь выбирать ублюдков и выберешь в первую очередь себя.

Он потушил сигарету о кирпичную стену дома и тихо добавил:

– Так вот: если уж будешь ломать себя – делай это, потому что сама этого захочешь, а не чтобы кому-то что-то доказать.

Я вздохнула.

– Ты прав, – я опустила голову ему на грудь. – Пусть идёт к чёрту.

Он обнял меня за плечи.

– Верно мыслишь, – сказал он, не отпуская меня.

Тепло его ладони на моём плече, аромат зелёного чая с мятой, который исходил от всей его одежды... Я вдруг замерла. Не вспомнила, а словно почувствовала холодную бумагу пачки сигарет в кармане студенческого жакета и его строгий тон: «Лера, это мусор, а не привычка».

Тогда мы кричали друг на друга в коридоре общежития, а я, сбитая с толку обидой и пьяным упрямством, убежала от него в глухую деревню на вечеринку к первому встречному. Я помнила тишину опустевшего дома одnogруппников, пугающую тьму и леденящий до костей страх. Помнила, как я звонила ему в слезах, просила забрать.

Он нашёл меня через час – мокрую и дрожащую – и молча повёл к своей машине. Я помнила запах чая на его маленькой кухне и его тихий, но непреклонный голос: «Бросай. Мне не нравится видеть тебя такой».

Сейчас его руки снова крепко сжимали мои плечи, а моя голова лежала у него на груди – точно так же, как и тогда. Вдруг нахлынула волна нежности, смешанная с отчаянной нуждой в его опоре – как тогда. Она смела последние преграды. Я подняла лицо к его губам, почти бессознательно ища утешения, знакомой защиты.

Он резко оттолкнулся, буквально вырываясь из моих объятий. Его пальцы сжали мои плечи так, что стало больно – это была не нежность, а отчаянная попытка удержать дистанцию. Глаза, которые ещё секунду назад были тёплыми, те-

перь горели холодным огнём.

– Так, Лера... – сказал он. Его голос был хриплым и отрывистым. Он повернулся к окну. – Похоже, кому-то пора спать.

Тишина стала тяжелее. Не было больше ни чая, ни заботы. Только холодное осознание того, что «тогда» закончилось, а «сейчас» – это минное поле, где одно неверное движение может всё разрушить окончательно. «Интересно, а что было бы, если бы я поцеловала его тогда?» – пронеслось у меня в голове.

– Идём, я постелю тебе в комнате Маши.

Я уснула почти мгновенно, но это был не отдых, а мутное погружение в рваный и тревожный кошмар. В моём сне смешались образы: Денис, но не тот, которого я знала. Его прикосновения – знакомая нежность, вдруг искажённая волнами чужого желания, которое сама позвала. Его губы, ласкающие мою грудь, были сладкими, но от этой сладости мне было горько.

Маша, сестра Дениса, которая относилась ко мне как к сестре, к лучшей подруге. После смерти их родителей он воспитывал её один. Я часто помогала ему с воспитанием этой девчонки-подростка.

Мысль о Маше, о её доверчивых глазах и привычных жалобах на «строного брата», пронзила острым уколом. Как я теперь посмотрю ей в глаза? Любовь к девочке, почти сестринская, теперь была пропитана стыдом и страхом. Что по-

думает Маша, когда узнает, что мы с Денисом?.. Что это измена не только Ярославу, но и ей? Предательство по отношению к девочке, которая так нуждалась в защите и поддержке.

Мой сон прервался резким толчком в груди. Я проснулась от собственного стонущего крика, застрявшего у меня в горле. Голова гудела, а в ушах звенело от вчерашнего вина и нервного напряжения. Холодная постель вокруг казалась пустынной и враждебной. Комната была другой. Не Машина. Я лежала в кровати Дениса.

Я закрыла глаза и снова легла на подушку. Чертовщина. Как я очутилась в кровати Дениса?

Я попыталась что-то вспомнить, но от воспоминаний стало только хуже. Измена, вино, секс с Денисом. Прекрасный секс... Сигареты, пачка в окно и я, тянущаяся за лаской... К щекам прилила кровь. Что я наделала?..

Я быстро встала и выскочила из комнаты Дениса. Слава богу, его там не было, а то я бы сгорела со стыда.

Первым делом я заперлась в ванной. Встала под горячие струи воды, пытаюсь успокоить учащённое сердцебиение. Струи воды стекали по волосам, лицу, телу. Перед глазами яркими вспышками возникали картинки вчерашнего дня. Я чувствовала себя ужасно. Что я наделала? Как мне теперь смотреть Денису в глаза?

Глава 2. Опоздала

Горячая вода обжигала кожу, но не могла смыть тот липкий стыд, что вьелся в память. Вытерев лицо полотенцем, я натянула на себя футболку Дэна – огромную, пропитанную его запахом. В ней я чувствовала себя защищённой.

Я вынырнула обратно в комнату. Тишина давила. Денис явно ушёл. Чтобы не сойти с ума от мыслей, которые крутились в голове, я ринулась на кухню. Готовка – моя территория. Здесь я уверена, здесь всё подчиняется моим правилам.

Открыла шкафчики. Сахар, мука – на своих местах. В холодильнике творог.

«Хм... Творог? Денис же не готовит, Маша его в чистом виде не ест...» – подумала я. Рядом яичный лоток. Десять штук.

«У творога почти закончился срок годности», – вздохнула я. Сырники. Идеально. Для Маши. Она обожает их с корицей. А Денис с вареньем. Я закрыла глаза на секунду. Ни тревоги, ни переживаний больше не было. Только творог, яйцо, мука. Мой ритуал.

Руки всё ещё дрожали – остатки вчерашнего ужаса и вина. Но я сосредоточилась на действиях: разбила яйцо в миску с творогом. Добавила сахар, щепотку соли. Выдохнула, когда стала размешивать массу до гладкости. Просеяла муку. Снова помешать.

Слепить сырники. Отлично... Когда они жарились на сковородке, я уже стояла спокойно, почти мирно, подпевая себе что-то без слов. Утро должно было идти своим чередом.

Я потянулась за тарелкой. Рука дрогнула, тарелка соскользнула. В панике я дёрнулась назад и поскользнулась на холодном кафеле. Денис поймал и меня, и тарелку.

Я обернулась. Его взгляд... Не тот ласковый, почти братский, к которому я привыкла, а скорее тёмный, глубокий. И в нём... Было что-то новое. Жадность? Интерес? Что-то, что заставило сердце бешено колотиться. Не страсть, как тогда, но что-то не менее пугающее.

– Ты чего так рано? – выдавила я, чувствуя, как лицо заливает румянец. Смушение и паника смешались в горле. Я пыталась заполнить звенящую тишину, но получалось плохо. – Работаете сегодня?

Дэн поставил на стол тарелку и улыбнулся.

– Да, нужно съездить по делам, – ответил он.

Запахло жареным. Натурально. Я кинулась к сырникам и быстро переложила их на тарелку. Загрузила новую партию и повернулась к Дэну. Он всё ещё смотрел на меня изучающе, с нескрываемым любопытством и какой-то странной улыбкой.

Я чувствовала его взгляд на себе, когда готовила. Я почувствовала, как лицо загорелось от его взгляда, и приложила руки к щекам. Я не помнила, как оказалась в его кровати, но надеялась, что он не заметил этого. Глупо. Сложно было не заметить.

– Отлично, – попыталась я выдавить из себя искреннюю улыбку. Это тоже получилось не очень. – Будешь завтракать? – попыталась я сменить тему.

– Буду, – улыбнулся он.

Я поставила перед ним тарелку и положила ему порцию пышных сырников.

– Ты с вареньем? – спросила я, подходя к холодильнику. – Как всегда?

– Ага, – кивнул Дэн.

Я наложила ему в тарелку смородинового варенья, которое каждый год мне передавала мама, и села напротив.

Сырники жарились, а Дэн уплетал уже готовые за обе щеки.

– Зачем тебе нужен был творог в холодильнике? – спросила я у Дэна, когда он расплылся в довольной улыбке сытого кота.

– Машка худеть собралась, – махнул рукой Дэн, – только так к нему ни разу и не притронулась.

– Худеть? – спросила я удивлённо.

– Ага. Я пытался с ней поговорить... – вздохнул Дэн, – но бесполезно. Условились на том, что она хотя бы будет мне рассказывать, на каких диетах сидит.

– А почему мне не позвонил? – забеспокоилась я. – Я бы с ней поговорила.

– Ты вся в свадебной подготовке, не хотел тебя тревожить, – сказал Дэн.

Я привычно забрала его тарелку и потрепала его по голове.

– Дурачок, – улыбнулась я, совсем успокоившись, – ты же знаешь, вы никогда меня не тревожите.

Я включила воду, смывая варенье с тарелки. Дэн сидел на стуле, и я то и дело ловила на себе его взгляд.

Я чувствовала, что он хотел о чем-то спросить, поговорить, но не решался. Торопить его было страшно.

Я краем глаза замечала, как Денис наблюдал за мной, когда я мыла посуду, не сводя с меня заинтересованного взгляда: то следил за движениями моих рук, то смотрел на мою тонкую шею.

– Лер, послушай, – он развернул меня к себе за плечо, чтобы посмотреть мне в глаза, – у меня к тебе вопрос есть.

Я замерла, когда его руки коснулись моих плеч. Пальцы Дениса были тёплыми, но хватка – непривычно твёрдой. Я почувствовала, как по спине пробежал мурашками холодок от его близости, смешанный с теплом его футболки, до сих пор пахнувшей им. В его глазах не было привычной братской ласки, только глубокая, почти изучающая тень, которая заставляла сердце колотиться в такт моему собственному страху.

– Лер... – он начал, и в его голосе звучала неуверенность, незнакомая для него. Он откашлялся, словно пытаясь подобрать слова. – Прости, что ушёл... Просто нужно было... выдохнуть.

Я кивнула, не в силах оторвать взгляда от его губ. Я видела, как он сглотнул, и это движение показалось мне важнее любого признания.

– Ничего, – прошептала я, и голос мой немного сорвался. – Я... я сама виновата. Нагрязнула пьяная, как... – я замолчала, не находя нужных слов для описания своего состояния.

Денис не отпускал моих плеч. Его взгляд скользнул по моему лицу, задержавшись на влажных от недавних слёз глазах, на покрасневших щеках, на губах. Я почувствовала себя голой под этим взглядом. Он смотрел на меня не так, как всегда. Не как на сестру. И в его темных глазах зажегся огонёк – не похожий на вчерашний жар страсти, что был пропитан вином и отчаянием. Это было что-то другое. Осознание. Желание. И огромная, парализующая тревога.

– Нет, Лера, – он тихо, но настойчиво возразил, и его пальцы чуть сильнее сжали мои плечи. – Я должен был быть рядом. Ты ведь... ты ведь ничего не помнишь? Или помнишь?

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и липкий, как вчерашний стыд. Я почувствовала, как ком снова встал в горле. Я вспомнила лишь обрывки: слёзы, звонок от Яра, его голос, полный недоверия, и затем... темноту. И утро. И его смущение, его попытку сделать вид, что ничего не было.

– Я... – я попыталась ответить, но слова застряли. Я не знала, что сказать. Признаться, что стыжусь? Что боюсь, что он меня презирает? Или, что хуже, боюсь, что... мне понравилось?

Я видела, как он смотрит на меня, и мне стало страшно от этой тишины. Он наклонился чуть ближе, его дыхание коснулось моего лба. Я замерла, не в силах пошевелиться. Мир сузился до точки между нами, до его глаз, до запаха его кожи, смешанного с запахом моих слёз и жареных сырников. Я чувствовала, как его руки на моих плечах напряглись, как он готовился к самому важному шагу в нашей жизни, шагу, после которого ничего не будет прежним.

– Я не хочу, чтобы ты думала, что это была ошибка, – наконец выдал он, и каждое слово обжигало меня. – Или что я... жалею об этом. Я... я не жалею. Лера, я...

Он замолчал, и в его глазах я увидела... неуверенность? Страх? Я не понимала, но чувствовала, что сейчас произойдет что-то важное. Он искал слова, которые не смогли бы ранить меня, но понимал, что любые слова теперь будут ранить, потому что правды не избежать. Он смотрел на моё напряженное, ожидающее лицо, и я знала, что точка невозврата пройдена.

К сожалению или к счастью, разговора так и не состоялось. Раздался громкий хлопок входной двери.

Я услышала голос Маши в коридоре:

– Денис! Я дома! – и тут же дверь прихожей открылась. Девочка шагнула внутрь.

– Чем у нас так вкусно пахнет? – крикнула она из прихожей.

Внезапный рывок заставил меня вздрогнуть. Я оберну-

лась и увидела, как Денис отскочил от меня, словно мы только что были застигнуты в чем-то постыдном. Мое сердце екнуло в груди.

Я отвернулась обратно к раковине, пытаясь скрыть дрожь в руках и то, как сильно бьется мое сердце. Волнение подкатывало к горлу.

– Машуня, у нас сегодня королевский завтрак! – голос Дениса прозвучал слишком громко, наигранно весело. – Будешь сырники?

Маша шагнула на кухню и, увидев меня, расплылась в широкой улыбке.

– Буду! Обожаю Леркины сырники! – воскликнула она. Девочка плюхнулась на стул, а я поставила перед ней тарелку.

– Смородина или малина? – спросила я, стараясь сделать голос ровным.

– Малина, – счастливо улыбнулась Маша.

Я налила ей малинового варенья и ароматного зеленого чая. На некоторое время воцарилась тишина. Машка ела, Денис смотрел на нас обоих, а я чувствовала себя неловко под его взглядом – тяжелым, оценивающим.

– Ладно, – вздохнул он наконец, – с вами хорошо, но пора по делам.

Он нехотя поднялся и вышел из кухни. Ему не хотелось уходить? Или ему просто нужно было уйти, чтобы я не видела, как он смотрит на меня? Мы поговорим, обязательно

поговорим, но только... Чуть позже. Когда он вернется. Эти слова висели в воздухе, оставляя после себя лишь тревогу.

– Я провожу, – сказала я и последовала за ним в прихожую.

Денис медленно, словно растягивая мгновение, возился со шнуровкой на кроссовках.

– Дэн, прости меня за вчерашнее, – сказала я, делая шаг вперед. Голос дрожал.

– Всё нормально, – ответил он. Его взгляд был холодным. – Поговорим вечером. Скажи лучше, ты к нему вернешься? Я отрицательно помотала головой.

– Ни после того, что он сделал. Измену я ему никогда не прощу.

– Тебе есть куда пойти? – спросил он.

– Пока поживу в гостинице, а потом сниму квартиру. Не переживай, – ответила я, стараясь говорить уверенно, – У меня есть деньги, я откладывала на свадебное путешествие. У нас с Яром была договоренность, он платит за свадьбу, а я везу нас в путешествие.

Денис расстроено посмотрел на меня и покачал головой.

– Какая гостиница? – в дверях кухни появилась Маша. – Дэн, скажи ей! Если тебе некуда пойти, оставайся у нас. Места хватит, да, Дэн? – Девочка выжидающе посмотрела на брата.

– Да, Лер. Машка права, пока поживешь у нас, а там что-нибудь придумаем, – кивнул он.

– Как-то неудобно, – начала я.

– Лер, – остановил меня Денис взмахом руки, – останься хотя бы до вечера. Я вернусь, поговорим, подумаем. Но я настаиваю. Не хочу, чтобы ты наделала глупостей, о которых потом будешь жалеть.

Я снова почувствовала жар, покраснела от его напора и прямолинейности.

– Хорошо, – согласилась я.

Дэн кивнул, поцеловал Машку в макушку и вышел, хлопнув дверью. Я проводила его взглядом, пока дверь не закрылась. Лера и Маша остались вдвоём в уютной квартире, в которой витали ароматы только что сваренного кофе, сладких сырников и чего-то ещё... Дэна. Его запах был повсюду, смешиваясь с моими мыслями.

Я перевела взгляд на часы: половина одиннадцатого. Мне не хотелось оставаться в этой квартире с теми воспоминаниями, которые у неё были.

Я вздохнула и вернулась на кухню. Там Машка продолжала уплетать сырники.

– Лерка, представляешь! – оживилась Маша, её глаза загорелись, – Я выиграла конкурс по биологии! Про экосистему болот! Про меня даже в городской газете напишут, прикинь!

Я рассмеялась, обнимая Машу за плечи.

– Машунька, это же здорово! Я так рада за тебя! А что там с... эээ... твоими... экспериментами с диетами? – осторожно спросила я, когда мы наконец уселись за стол, и Маша

налила мне чай в любимую чашку с котиками.

Маша сразу перестала улыбаться. Опустила голову, водя ложкой по сахарнице.

– Опять... – вздохнула она. – Дэн сказал? – Она покосилась на меня.

– Не совсем, – мягко ответила я, положив свою руку на её. – Я просто спросила про творог, а он сказал, что ты худеешь. Маш, почему ты не сказала мне? Мы же с тобой почти как сестры! Я бы тебе помогла, придумали бы что-нибудь вместе.

Она подняла на меня влажные глаза.

– Мне... стыдно было, – прошептала она. – Все в школе такие худые. Ты тоже такая красивая. А я... – Она потрогала бок. – Я пробовала на диетах сидеть. Пробовала творог есть, но он такой... пресный. Я просто... хочу быть как все. Красивой.

Сердце мое сжалось от тревоги за Машку. Я потянулась и обняла её крепко-крепко.

– Машенька, – прошептала я, – ты и так красивая. Послушай. Ты подросток, и это нормально. Я тоже была подростком. Помню всё и понимаю тебя, но худеть тебе ещё рановато. Подожди два-три годика, а там посмотрим, хорошо? – я подмигнула ей, пытаясь разогнать тоску.

Маша всхлипнула и кивнула, уткнувшись мне в плечо.

– Ладно... – прошептала она. – Только не говори Дэну, что я плакала. Он опять начнёт читать лекции.

– Будет нашей маленькой тайной, – пообещала я, глядя

её по волосам. – Если хочешь как-то поддерживать себя в форме, можно записаться на какие-нибудь танцы, хотя я не думаю, что тебе это надо. У тебя нормальное телосложение.

– Правда? – спросила Машка.

– Правда, – кивнула я.

Она подняла голову, и на её губах уже играли смешинки.

– Как думаешь, а на танцы меня Дэн пустит? – заговорщицки прошептала она.

Мы снова погрузились в разговор. Маша, забыв про всё на свете, восторженно рассказывала о победе в школьном конкурсе, подмигивала, пересказывала смешные выходки учителей, показывала на телефоне смешных котиков. Я кивала, улыбалась, но мои пальцы нервно теребили край скатерти, а мысли металась как угорелые. В глазах на мгновение появлялся тот самый отблеск спокойствия, которого не было вчера. Я смотрела на Машу – на её живое, сияющее лицо, на жестикуляцию, на искреннюю радость, и это было единственное, что хоть немного приглушало боль в груди.

– ...и вот он такой: «Мяу!» – и прыгнул прямо на голову директору! – Маша хохотала, и её смех эхом разносился по уютной гостиной.

Ближе к обеду из прихожей донёсся щелчок замка.

«Денис», – автоматически пронеслось в голове. Он обещал к обеду, и мы вместе с Машей готовили овощное рагу. Я встала, поправляя футболку, и вышла в прихожую навстречу.

На пороге, вместо привычного силуэта Дениса, стояла девушка. Маленькая, с густой тёмной шевелюрой, уложенной в крупные упругие кудри. Она широко улыбнулась, показывая белые зубы, но эта улыбка мгновенно высохла, превратившись в растерянную гримасу, как только её глаза встретились с моим ледяным, неподвижным взглядом. Воздух в коридоре стал густым и тяжёлым.

– Лера, кто там? – голос Маши донёсся из кухни. – О, Оксанка! Ты тут чего?.. – Маша замерла на пороге, её улыбка тоже застыла, глядя на напряжённую сцену в прихожей.

Оксана улыбнулась Машке и перевела взгляд на меня.

– Я просто зашла, – выдавила Оксана.

Маша молча подняла брошенную на стол связку ключей. Её взгляд упал на них тяжёлым, укоризненным камнем.

– А это кто? – раздражённо спросила Оксана, проводя глазами по футболке.

– Подруга приехала, – холодно ответила Маша, поднимая ключи. – Ключи откуда у тебя?

Оксана чуть смутилась, но быстро взяла себя в руки:

– Сделала дубликат.

– Понятно. А Денис в курсе?

– Нет, но он не против. Уверена на сто процентов.

– Дай сюда! – Маша резко вырвала связку у Оксаны, не дожидаясь согласия. Оксана попыталась схватить её за руку, но Маша уже отделила нужный ключ и с треском бросила его на тумбочку. – Верну, когда Дэн разрешит. Есть ещё дела?

Чай не предлагаю.

– Хм, – Оксана сжала губы, – пожалуй, я пойду.

Она развернулась, хлопнула дверью так, что задрожала рама.

Маша тяжело опустилась на стул у кухонного стола. Она обхватила голову руками.

– Что за цирк? – тихо спросила я, сердце моё колотилось не только от недавнего напряжения, но и от странного предчувствия, как будто стены квартиры вдруг сжались.

Маша подняла глаза, они были полны гнева.

– Оксана. Девушка Дэна. Она закатила глаза так, что казалось, сейчас они выкатятся. – Встречаются пару месяцев, а она уже хозяйкой себя возомнила! Один раз, когда Дэн задержался на работе, она нам ужин состряпала! Дэн съел, хотя капусту терпеть не может! А ещё на днях... – Маша замолчала, лицо её исказило воспоминание. – Она пыталась проверить его телефон, пока он в душе был! Это же как?! Если моему брату не доверяет, пусть убирается из его жизни! – Она резко встала, подошла к раковине и с силой швырнула в неё пустую кружку.

– У Дэна есть девушка?! – изумление сжало горло. – Он мне не говорил.

«Вчера... Вчера мы были вместе, а у него...» – думала я. Горечь смешалась с внезапной, острой виной. «Что я натворила? Как теперь смотреть ему в глаза? Как теперь жить рядом?»

– К сожалению, да, – Маша нервно ковыряла вилкой тарелку, оставляя на краю царапины. – Она мне не нравится, но я ему ничего не говорила. Хочу, чтобы он был счастлив, конечно... Но не с ней.

«У него девушка, а мы вчера... Если бы я знала! Я не хотела разрушать их отношения.» – крутилось в голове.

– Может, стоило сказать ей, что ты его новая девушка?.. – Маша метнула в сторону меня оценивающий взгляд. – Они бы наверняка расстались...

– Маш, расскажи про неё? Про Оксану? – попросила я, садясь за стол. Ей хотелось понять, кто поселился в жизни Дэна, насколько серьёзны у них отношения.

– Что о ней рассказывать... – Маша отпила чай. – Прилипла к Дэну, как банный лист. Сразу после расставания с прошлым парнем напала на него, три часа рыдала. Теперь ходит постоянно, сто раз на день звонит. Предложения от него ждёт, я лично слышала, а он всё её истерики терпит. Милый, милый... – передразнила Маша. – А ещё диктует, что носить, с кем общаться. Говорила, что Дэн должен бросить гитару – «несерьёзное дело». Представляешь? Он же с самого детства играет!

Я села за стол и внимательно слушала Машу. Её сердце сжималось от боли с каждой новой деталью, рассказанной Машей. Теперь стало ясно, о чём он хотел поговорить утром. Об Оксане. Наверное, он хотел сказать, что нам больше не стоит общаться.

– Он не рассказывал мне, что у него есть девушка... – прошептала я, глядя в окно. Почему? Посчитал это неважным? Или... боялся моей реакции?

– Наверное, посчитал это неважным, – пожала плечами Маша, но в её голосе прозвучала нотка сомнения. – Или не хотел тебя расстраивать. Но лучше ей пока не знать, что ты подруга Дениса, а то весь мозг ему выключает. Она ревнивая. И неадекватная.

– Наверное, ты права, – кивнула я, пытаясь взять себя в руки.

Как теперь жить здесь? Вечером Дэн вернётся. Как я буду смотреть ему в глаза? Как вести себя? И главное – как долго я смогу оставаться тут, чувствуя себя такой... лишней и виноватой?

Воздух в квартире после ухода Оксаны казался тяжёлым и вязким. Маша, пытаясь разрядить обстановку.

– Давай сделаем твои знаменитые котлеты? И салат? – спросила она, заглядывая в холодильник.

– Хорошо, – согласилась я, стараясь сосредоточиться на простых действиях: рубке лука, замешивании фарша. Руки двигались автоматически, а мысли металась как угорелые.

Он придёт. Он будет рядом. А она... Она придёт снова? Я ловила себя на том, что каждые пять секунд смотрела на дверь, ожидая, что она распахнется. На телефоне не было новых сообщений от Ярослава, но это не успокаивало – лишь подчёркивало, что теперь я одна. Совершенно одна.

Я двигалась автоматически: рубила лук, подбрасывала котлеты на сковородку. Звук моего собственного ножа о доску казался громче голоса Маши. Маша говорила – о контрольной, о парне в одиннадцатом классе, смеялась, – но слова я ловила лишь обрывками: «...и он такой смешной...», «...а потом училка...». На губах застывала вежливая улыбка, но взгляд скользил куда-то в сторону окна, к темным обоям с мелким узором.

Запахи же не обманывали. Жареный лук, дымок от мяса – привычные ноты. Но сквозь них пробивался другой, более тонкий, более мужской аромат.

Маша поставила тарелки с горячими, румяными котлетами прямо на скатерть передо мной. Я резко отодвинула свой тяжелый стул. Скрип ножек по полу прозвучал оглушительно в тишине.

Ужин закончился. Маша, попрощавшись, ушла в свою комнату делать уроки. Я осталась одна в гостиной. Обычно эта тишина, нарушаемая звуками улицы, была уютной. Сегодня же давила. Я встала, начала бессмысленно убирать: тарелки в раковину, протереть стол влажной тряпкой, книги на место – любое движение, чтобы заполнить пустоту, чтобы мысли не проникли. Но они уже были здесь: образ Оксаны, входящей в его квартиру с улыбкой; горькое послевкусие вчерашнего прикосновения Дениса; холодный ужас от мысли о завтрашнем дне и осознание, что он так и не доверил мне быть частью жизни, где была и она.

Наконец я рухнула на диван, сжавшись в комок. Холод пробирал до костей, и я натянула на плечи плед. За тонкой перегородкой слышалось, как Машка что-то напевает – тихо, монотонно. Дверь в комнату Дениса была приоткрыта. В темноте она выглядела как глубокая, зияющая щель в мир, который теперь отрезан от меня. Я представила: он спит там, в своей постели, а рядом... Оксана. Мысль обожгла странной, запретной болью и чем-то еще, теплым и пугающим одновременно. Я резко отвернула голову, прижавшись лбом к прохладной ткани пледа.

Телефон на прикроватной тумбочке светился холодным экраном. Рука сама потянулась к нему, пальцы почти коснулись пластика. «Что там?» – пронеслось у меня в голове. «Сообщение от Ярослава? Или что-то... другое?» – я отдернула руку, будто обжегшись. Лучше не знать. Я закрыла глаза, но образы не уходили: его руки на моей коже, его запах, смешанный с моим парфюмом, жар его дыхания на шее.

«У него есть Оксана», – пронеслось в голове, резко, как удар. И тут же – яркий образ: Оксана, входящая в комнату, улыбающаяся так широко, что видно все зубы. Я сжала кулак так, что ногти впились в ладонь. В горле встал комок. Я даже не успела толком понять, что это было.

* * *

Денис

Тяжелая дверь за спиной Дениса глухо захлопнулась, поглотив уличный шум. Он не включил свет, двигаясь по ко-

ридору на ощупь, как слепой.

Он пришел домой почти под утро, веки слипались от усталости, виски гудели. В гостиной царила полутьма — лишь тонкая полоска света под дверью. Он осторожно прошел до Машкиной комнаты. Заглянул. Маша спала. Со вздохом Денис выключил свет, а потом сбросил с плеч тяжелую куртку.

Широкие штаны и свитер, теплый. Он рухнул в кресло, откидываясь на жесткую обивку, и зажмурился, надеясь провалиться в сон сквозь эту усталость.

Лера спала на диване, свернувшись калачиком, одеяло сбилось на талии. Он замер, прислушиваясь к её ровному дыханию. Потом, словно тень, скользнул вдоль стены, стараясь ступать на самые тихие места паркета. Присел на край дивана, и пружины под ним взвизгнули тонко, жалко. Она зашевелилась. Её пальцы бессознательно сжали край подушки. Движение было бессознательным, глубоким.

Он замер, затаил дыхание, но Лера не проснулась. Денис не шевелился. В полумраке мое лицо казалось спокойным, но в складке между бровей залегла тень — тень пережитого. Он потянулся к пледу, бережно поправил его на её плечах. Пальцы на мгновение задержались у основания шеи, ощутив тепло кожи под тонкой тканью. Прикосновение было легким, почти невесомым, как паутинка.

Медленно погладив её по голове, он отнял руку и опустил взгляд. Глубокий, сдавленный выдох вырвался из груди, едва слышный в тишине. Кулаки сжались на коленях, костяшки

побелели.

– Прости... за Оксану... – прошептал он в пустоту комнаты.

Тишина повисла густой, вязкой. Только ровное дыхание Леры да далекий, гулкий стук города за стеклом нарушали ее. Он остался сидеть. Молчаливая стена у изголовья, страж у того, кого боялся потерять... и кого, казалось, уже терял.

С Оксаной все было проще, понятнее. Она не требовала от него ничего, кроме регулярного присутствия и секса. Она была удобной, как старая пара ботинок, которую уже давно пора выбросить, но рука сама тянется к ней по привычке.

Он вспомнил их последний ужин. Тихий ресторанчик на окраине города. Они сидели напротив друг друга, и между ними висела невидимая стена из неловких пауз и вымученных тем для разговора. Она рассказывала о работе, о коллегах, о новом фильме – все это было чуждо ему, как язык с другой планеты. А он слушал, кивал, делал вид, что заинтересован, пока внутри нарастало чувство вины и пустоты.

А потом пришло воспоминание о Лере. Как она могла часами сидеть и просто быть. Как ее смех был подобен солнечному свету, который пробивался сквозь тучи после грозы. Как она понимала его без слов, знала его настроение, его страхи.

Ночь, которую они провели вместе, была не просто ошибкой, вызванной алкоголем; это был долгожданный взрыв чувств, которые он подавлял годами. Он снова посмотрел на

Леру, мирно спавшую на его диване. Она была затишьем в буре его жизни. А Оксана? Она была просто еще одной волной, пытающейся утянуть его под воду.

Денис тяжело вздохнул, и этот выдох был похож на приговор самому себе. Он не мог просто так уйти от Оксаны, потому что боялся. Боялся разрушить то, что у них было с Лерой – дружбу, доверие, ту самую тихую гавань, в которой она сейчас находила утешение. Боялся, что Лера не ответит ему взаимностью.

Он осторожно поднялся со стула, стараясь не потревожить ее сон. Каждое движение казалось громким в этой оглушительной тишине. Он подошел к окну и посмотрел на ночной город, который никогда не спал. Где-то там была Оксана, ожидавшая его звонка, его присутствия. А здесь, у него дома, лежала Лера – женщина, которую он любил всем сердцем, но которой боялся признаться в этом.

Он достал телефон и посмотрел на экран. На нем было несколько пропущенных вызовов от Оксаны. Он нажал кнопку "отклонить" и положил телефон обратно в карман. Пусть она думает, что он просто устал после работы. Ложь, которую он рассказывал ей каждый день.

Вернувшись к дивану, Денис накрыл Леру еще одним пледом, стараясь не коснуться ее. Он должен был что-то решить. Но как? Как выбрать между привычным страхом и пугающей правдой? Как сказать двум женщинам то, что изменит их жизни навсегда?

Он сел на край дивана, рядом с Лерой. И в этой тишине, под светом луны, пробивающимся сквозь шторы, он понял одно: он больше не мог жить во лжи. Он должен был сделать выбор. И этот выбор будет самым трудным в его жизни.

Глава 3. Прощание

Лера

Я лежала неподвижно, но внутри бушевало. Холод пробежал по груди, как ледяная жила. Кожу обволакивало липкое ощущение, будто меня облили смолой. В ушах звенело от ядовитого, беззвучного шепота, преследующего меня и во сне, и наяву. Он въелся в сознание, оставляя грязный шрам. Лоб был мокрым от холодного пота, по спине пробегали мурашки, от которых я не могла избавиться даже во сне.

Я судорожно обхватила себя руками, сжимая локти до боли. Всё тело колотила мелкая дрожь. Зажмурившись, я попыталась вытолкнуть из головы образ Дениса из сна: его руки, его дыхание... Но вместо этого шрам на душе лишь пульсирующее ныл, напоминая о предательстве.

Шесть утра. Запах кофе разливался по квартире – густой, терпкий. Денис дома. Куда он пропал на всю эту ночь? Поехал к Оксане? Мысль обжигала, как уголёк.

Я встала, ступая на цыпочках, боясь задеть что-то и привлечь внимание Дениса. Дверь на кухню была приоткрыта. Он стоял спиной – он возился с кофе на плите. Тихо напевал какую-то песню.

Я резко отшатнулась от косяка, сердце ухнуло в пятки. Я не хотела, чтобы он меня заметил. Тихо, как тень, скользнула в комнату, схватила с кресла яркий красный плед – мой

подарок ему на день рождения – и вырвалась на балкон.

Холодный пол приятно обжигал ступни, а морозный воздух – лёгкие, на мгновение стало легче. Хотела закурить – рука сама потянулась к карману куртки, но остановилась. Обещание Денису. Глупое, бессмысленное обещание.

Я закинула плед на плечи, сжала его в кулаках, и ткань. Я наклонилась через перила. Ветер подхватил волосы, играя с ними на ветру, мысли, как осенние листья, уносились прочь. Напряжение медленно спадало с плеч, уступая место спокойствию. Вот оно – это ничего. Холодное, чистое, как белый лист. И на мгновение показалось, что так хорошо...

– Доброе утро, – раздался голос Дэна за спиной.

Я дернулась и посмотрела в его сторону. Почему я не услышала, как он зашёл? Он курил, сидя в большом кресле, которое мы с Машей покупали ему на какой-то праздник. Как много нас связывало в этой квартире...

– Зачем вышла? Тут холодно, – прозвучал его голос. Он был другим сегодня, хриплым и непривычным. Мой пульс участился. Почему я не услышала, как он вошёл?

Плотное кольцо дыма медленно расплылось в прохладном утреннем воздухе. Запах табака ударил в ноздри – горький и едкий.

– Доброе утро, – прошептала я, отводя взгляд от его лица на трещину на стене за ним. Мне не хотелось смотреть ему в глаза.

Он потушил сигарету о край балкона и бросил пачку вниз.

– Гадость, – процедил он. Затем он подошёл ко мне и взял за руку. Его прикосновение было неожиданным, почти грубым. Он усадил меня себе на колени, одной рукой обхватив талию, другой – прижав к груди. Его дыхание, тёплое и неровное, коснулось моей шеи. Запах табака, кожи и чего-то горького, мятного окутал меня.

Его губы коснулись моей щеки – привычное, чуть уставшее действие, которое раньше всегда вызывало у меня чувство тепла и защищенности. Сегодня же оно заставило моё сердце сжаться от непонимания.

– Тебе стоит поменьше переживать, – тихо произнёс он и чуть крепче сжал меня в объятиях.

– Это я-то переживаю?.. – усмехнулась я, но тон моего голоса прозвучал устало и почти жалобно.

– Ты выглядишь... уставшей. Не спалось? – спросил он, откидываясь в кресле. Одна его рука легла на мою ногу, чуть выше колена, чуть выше, чем допускали приличия, а вторая все еще удерживала меня за талию.

Я кивнула, не в силах вымолвить слово, и положила голову ему на грудь. Эта поза никогда раньше не казалась мне такой... личной. Слишком близкой. Я чувствовала его сердцебиение под ладонью, и оно билось так же неровно, как его дыхание.

– Кошмар приснился, – выдавила я, закрывая глаза.

– Бери кофе, я на двоих варил, – сказал он и пододвинул чашку ко мне. Когда он наклонился, чтобы подать её, его

лоб коснулся моего обнаженного плеча. Этот легкий, привычный жест, раньше такой теплый и знакомый, сейчас заставил меня вздрогнуть, как от удара током.

Я попыталась отстраниться, но он не позволил мне.

– Куда? Пол холодный, а у тебя ноги голые, – сказал он строго, и я успокоилась. Села обратно ему на колени.

– Угу, – я отхлебнула горячий кофе и согрелась чуть-чуть. Денис следил за моими движениями, не отрывая взгляда. Он всё сильнее сжимал меня в своих руках, почти больно. Я пыталась казаться спокойной и не выдать своей паники, но сердце билось слишком сильно.

Он всегда был таким заботливым. И это сейчас пугало до глубины души, потому что его забота теперь казалась неестественной. Она напоминала о том, чего у меня не было права желать от него. О том, что каждая капля этой заботы принадлежала Оксане. Именно она была его настоящей девушкой.

– Спасибо, – прошептала я, зарываясь в плед, который он накинул на меня. Я сжала ткань в руках, чувствуя, как под ней трепещет мое беспокойное сердце.

– Ты поздно вернулась. Что-то случилось? Я переживала... – сказала я, глядя в чашку, чтобы не встречаться с его взглядом.

Денис улыбнулся. Его улыбка была странной, почти незнакомой.

– Были дела, которые нужно было решить. Ты переживала? – спросил он.

– Просто мы с Машкой ужин приготовили, – ответила я.
– Ты был у Оксаны?

Он замер на секунду, потом вздохнул. Знакомое движение теперь казалось театральным, почти выверенным.

– Да. Она вчера была очень расстроена тем, что ей наговорила Машка. Ей нужна была поддержка.

Поддержка. Сердце сжалось в кулак. Вот оно – подтверждение. Он был там. С ней. Он любил ее.

А я здесь, с этим кошмаром в голове, с этим странным, пугающим возбуждением от сна, с гнетущей виной перед Ярославом и перед Денисом. Я подняла глаза на него.

Он смотрел в окно, профиль строгий, задумчивый. Он был так близко и так недосягаем. Как два берега одной реки, которая несет нас обоих в одном направлении, но не даст встретиться. Мы могли бы плыть рядом, но между нами – непроходимое расстояние, заполненное Оксаной, его прошлым, моим страхом, моим предательством.

– Она... Оксана... она знает про нас? – спросила я, и голос дрогнул. – Про то, что я здесь? Кто я?

Он повернулся, и его взгляд упал прямо на меня. Не просто посмотрел – впился глазами, так что воздух вокруг, казалось, задымился от тяжести этого внимания. Я ощутила, как спина напряглась, как будто его взгляд был физическим укусом.

Я вцепилась в горячую керамику чашки, пытаюсь найти там спасение. Сделала глоток, но кофе обжигал, и я едва

сдержала стон. Сердце колотило где-то в горле, вырываясь из груди с каждой новой секундой молчания.

Его чашка со стуком легла на стол. Я подняла на него глаза, он обхватил мои руки своими. Его пальцы были теплыми и сжимали мои руки слишком сильно, лишая возможности отступить.

Я смотрела на его руки. Он медленно водил большим пальцем по моему запястью. Кожа зудела, и по руке, по всему телу, как электрический разряд, пробежала дрожь, которую я отчаянно пыталась заглушить, сжав челюсти.

– Лер, – его голос прозвучал тихо, но в нем была сталь, требующая подчинения. – Посмотри на меня.

Я подняла голову. Наши взгляды скрестились в тишине морозного утра.

Пальцы коснулись моей лопатки – легкое, почти непреднамеренное прикосновение, от которого я дернулась.

– Лер, – его голос был тихим, но слова прозвучали как удар. – Ты же знаешь. Ты мне как сестра. Как семья.

«Сестра». «Семья». Эти слова обожгли меня сильнее горячего кофе. Я резко отодвинула чашку, пальцы сжали край стола, чтобы не схватить его за руку.

– Семья... – выдохнула я, глядя на тёмную поверхность кофе. Пар извивался, как дым от пожара, от которого я сбегала сюда. – А Оксана? Она тоже... в этой семье?

Он отвернулся, поставил чашку так, что хрусталь звякнул.

– Лера, не усложняй. Просто... пей кофе. Он остывает.

Я подняла чашку. Горький кофе обжигал язык, горло, но не мог прогреть ледяной комок, сжавший сердце. Щёки пылали.

— Маша... — я встала, поставила чашку, и звук был слишком громким в тишине. — Она ещё спит?

Денис кивнул, не поднимая глаз.

— Олимпиада. Готовится допоздна, а потом спит весь день.

Я отвернулась, прижавшись ладонями к холодному подоконнику. Тишина между нами была гуще дыма от остывающего кофе.

— Я... Я пойду в душ. Нужно привести себя в порядок.

Я встала, но Денис схватил меня за руку, удерживая у окна. Мы стояли слишком близко друг к другу. Всё то же расстояние, что было ночью в её кошмаре.

— Ты в порядке? — спросил он, внимательно вглядываясь в моё лицо.

— Всё хорошо, — ответила я, пытаюсь освободить запястье из его рук, но хватка была крепкой, как тиски. — Пустит.

Я дёрнула руки чуть сильнее.

Он не позволил мне вырваться, напротив, шагнул ближе, крепко удерживая моё запястье. Его взгляд был пристальным, почти гипнотизирующим.

Я смотрела на своё тонкое запястье в его большой ладони, кожей чувствуя его хватку. Мурашки пробежали от макушки до пяток. Он так близко.

Он наклонил голову, чтобы посмотреть мне в лицо.

Его спокойствие сейчас напугало меня больше всего. Оно было непроницаемой стеной, за которой скрывались вопросы, на которые я боялась получить ответы.

– Пусти, – прошептала я. Он отпустил.

Я пошла в ванную, чувствуя, как за спиной оставалась тишина, запах кофе и невысказанные слова. В зеркале я увидела бледное лицо с тёмными кругами под глазами, растрёпанные волосы. Чужую женщину, потерянную в лабиринте чувств и вины.

Кто я? Та, что стоит на берегу этой реки сомнений, глядя на Дениса, на Оксану, на своё прошлое и будущее, и не знающая, плыть ли дальше, рискуя утонуть в волнах, или остаться на берегу, замерзая в одиночестве?

Самое страшное – а что, если это чувство к Денису, которое так внезапно проросло, – не любовь вовсе? Что, если это просто иллюзия, спасательный круг, брошенный в пучину предательства Ярослава? Что, если это просто тьма ночи и страх одиночества, сотканные в кошмар, который теперь не отпускал меня даже в бодрствовании? И если это так... то кто я, та, что стоит на берегу этой реки, глядя на него, и не знающая, плыть ли дальше или утонуть в сомнениях?

Душ шумел, но не заглушал мысли. Я стояла под струёй, сжав кулаки. Вода била по плечам, смывала пот – но не страх. Не это мерзкое ощущение лжи внутри себя.

Что я делаю?

Почему он держал меня так?... Почему мне понравилось?

Каждый вопрос был как удар. Я прижала лоб к холодной плитке и закрыла глаза. А за дверью – тишина.

Я вышла из ванной в надежде, что Денис всё ещё на балконе. Наскоро натянув джинсы и свитер, я вылетела из квартиры. Больше я туда не вернусь. Хватит. У него теперь есть семья. Девушка, которую он любит и поддерживает. Оксана. А я – ошибка, которую он постарается забыть, сказав: «Не усложняй».

И мне тоже пора двигаться дальше. Я хотела дом, пекарню и собаку. Большую собаку, настоящую, а не декоративный «пробник», как предлагал Яр. Овчарку. Честную жизнь без предательств и лжи.

Когда дверь захлопнулась за мной, слёзы хлынули с новой силой. Я шла по лестнице вниз, опираясь на перила, пытаюсь дышать ровно, но грудную клетку сжимал ком не только сожаления, но и острой, режущей вины. «Молодец, – думала я, – сбежала от последствий собственной глупости». Но куда теперь бежать от себя?

В подъезде было темно и сыро. «Даже куртку не забрала, идиотка...» – ругала я себя, пальцы судорожно сжимали прохладный металл перил. Бежать. Просто бежать.

Я выбежала из квартиры, не думая ни о чем, кроме того, что я больше не хочу. Больше не могу там находиться. Дверь квартиры захлопнулась с оглушительным стуком, от которого задрожали стекла в рамах. Я рванулась вниз по лестнице, не чувствуя ступеней, не думая ни о чем, кроме одной мыс-

ли: «Уйти. Срочно. Сейчас».

Воздух в подъезде был сырым и холодным, но это ничто по сравнению с ледяным комом, который до боли сжал горло.

– Лера. Куда это ты так поздно? – голос Ярослава, как всегда ровный, чуть насмешливый, прозвучал прямо за спиной. Я замерла на полпути к выходу, обернулась.

В полумраке у стены, у самого почтового ящика, стоял Яр. В руке он сжимал очередной букет – ярких, кричащих красных роз, неуместно пышных для этого момента. Его спокойный взгляд, который когда-то сводил меня с ума, теперь только резал глаза. Он выглядел безупречно: дорогой пиджак, идеально выглаженные брюки.

– Яр, – выдохнула я, и голос сорвался на фальцет. Я рванула рукавом по щеке, но слезы текли неумолимо, горячими дорожками. – Прогуляться.

– Куда? – Яр выпрямился, сделал шаг навстречу. Воздух вокруг него густел от дорогого парфюма, теплого, обволакивающего. На долю секунды меня накрыла волна ностальгии – знакомый запах, уютное плечо, вечность... Горькая, как прогорклое масло, привычка. – Без куртки? – Его брови изогнулись дугой. – Как тебя Денис в таком виде выпустил?

– Не твоё дело! – выкрикнула я, голос прозвучал хрипло и остро. – Он не моя нянька! Просто... хочется подышать свежим воздухом.

Я поёжилась, холод пронзил сквозь тонкую блузку до са-

мых костей. Яр молча снял своё пальто – тяжёлое, тёплое. Широким жестом накинул мне на плечи. Ткань обвила меня, запах его парфюма окутал с головой. Но под этим теплом внутри оставалось пусто и холодно. Предательство горело кислым привкусом на языке.

Яр шагнул ещё ближе, его пальцы коснулись моего плеча, поправляя воротник пальто, который съехал в сторону. Его прикосновение было лёгким, почти невесомым, но я инстинктивно вздрогнула, будто от электрического разряда.

– Какая же ты холодная, – тихо, почти без эмоций проговорил он. – На улице минус десять, а у тебя тонкий свитер и промокшая насквозь футболка. Ты ведь заболеешь.

– Мне плевать, – я отмахнулась, будто его забота вызывает отвращение. – У меня иммунитет.

– Подышать? – Яр фыркнул, но без злости, как всегда. – Лера, ты вся трясёшься. Иди ко мне. – Он обнял меня, и я на секунду расслабилась, чувствуя знакомую, но теперь чужую опору. – Отвезу тебя домой. Или куда хочешь, но здесь я тебя не оставлю. Ты простынешь.

Я колебалась. Дом? Наш с ним дом? Дом лжи и измен?

Везде было предательство. Здесь – Денис и Оксана. Там – воспоминания о нас с Яром, о его предательстве. Но стоять под его пристальным взглядом, видеть эту смесь заботы и превосходства было невыносимо. К тому же я действительно замёрзла.

– Ладно, – прошептала я, кивнув. – Поехали домой.

Яр улыбнулся, довольный своей победой. Всегда доволен, когда контролирует ситуацию.

– Отлично. Пойдём. Машина там.

Он указал на чёрный седан, стоящий у обочины, и, не дожидаясь, открыл для меня пассажирскую дверь. Я села, прижимаясь к холодному кожаному сиденью, и закрыла глаза, когда он завёл двигатель. Тепло салона, обволакивающее и уютное, стало жестоким контрастом с ледяным холодом внутри меня, с осознанием, что я снова попала в его ловушку. Яр молча ехал, периодически поглядывая на меня. Его взгляд оценивал, взвешивал.

– Пойдём домой, милая, – улыбнулся он, когда мы наконец приехали к дому.

Я кивнула и выскочила из машины, едва не споткнувшись. Ключи от квартиры висели у меня на связке с брелоком в форме кролика. Когда-то его подарил мне Денис. Символ нашей дружбы, теперь – символ ошибки. Поднявшись на свой этаж, я с трудом нашла замок. Вошла в квартиру.

Яр что-то щебетал мне. Как он скучал, как переживал, но я не слушала. Мне было не до него. Я прощалась со своей любовью. Единственной, из-за которой мне было настолько горько, что жить не хотелось. Любовью, которая оказалась иллюзией.

– Я в душ, – махнула я Яру и пошла в ванную.

Там я долго стояла под струями горячей воды, согреваясь. Принимала сложное для себя решение. Уйти. Раз и навсегда.

Убежать от себя, от своих ошибок, от разрушенных отношений. Никто не знал, но мне было куда идти. Бабушкин дом достался мне в наследство, когда мне было лет десять. Я не собиралась там жить, думала продать, чтобы потом вложить деньги в пекарню, или купить дом поменьше. Свой. Свободу нельзя купить, но можно обрести.

Брак с Ярославом был выгодной партией. Не только для меня, но и для него. Я вздохнула. Он хотел мой капитал для своего бизнеса. А я хотела семью. Он не получит от меня ни копейки на свой бизнес-проект. Я не собиралась спонсировать предателей.

После душа я высушила волосы и собрала все баночки в сумку. Здесь я больше не останусь. Осознание пришло быстро. К счастью, голова была ясной. Ярость отступила, оставив место холодному решению.

Я вышла из душа и прошла в спальню. Достала большой чемодан. Прислушалась. Тишина. Это была моя тишина. Ярослав ушёл куда-то, и я осталась наедине со своими мыслями. Мыслями о предательстве, вине, потере.

В шкафу пахло моими духами, книгами и чем-то ещё... Свободой? Счастьем? Или только воспоминаниями о том, чего не стало?

Я собрала вещи, баночки, косметику. Руки слегка дрожали, но я заставляла их работать. В этот раз я собрала книги и потянулась к верхнему ящику комода, где лежали самые ценные для меня вещи: старые фотографии, улыбки прошлого,

теперь казались чужими, кулон от бабушки, единственное настоящее наследие, блокнот с рецептами... Мой маленький мир, который я заберу с собой.

Я стала складывать вещи в небольшую дорожную сумку: несколько футболок, джинсы, зубную щётку, блокнот с рецептами, самое важное, фото с мамой и папой. Единственное, что осталось от семьи. Быстро, механически, стараясь не думать о том, что я оставляю позади: надежды, иллюзии, себя.

Когда я выходила из спальни, Яр уже стоял в дверях. Его взгляд упал на чемодан в моих руках.

– Ты куда-то собралась? – Голос Ярослава был спокойным, почти равнодушным. Я вздрогнула, когда встретила с его взглядом, но заставила себя стоять прямо. Не показывать страх. Даже если внутри всё переворачивалось.

– Да, – коротко ответила я, продолжая складывать вещи, стараясь не встречаться с его взглядом. – Я собираюсь уехать на время. Переварить всё.

Яр подошел сзади, положил руки на мои плечи, развернув к себе. Я чувствовала тепло его рук через тонкую ткань кофты. Раньше мне нравилось, когда он сжимал мое плечо или шею, а сейчас я только сжала челюсти, стараясь не дрожать.

– Как долго?

– Не знаю, пока не решила. – Я вырвалась из его рук.

Яр не сопротивлялся, отпустил меня и сел на кровать, сле-

дя за мной. Он снова стал спокойным, только взгляд выдавал его – напряжённый, внимательный.

– Не глупи, Лера. Куда ты пойдешь одна? И где ты будешь жить? Это глупость.

– Ты не можешь просто так взять и уехать. У тебя работа. И я.

Он сказал «я» с такой уверенностью, будто это было очевидно: «Ты моя». Я остановилась и посмотрела на него. В его глазах горело что-то похожее на панику, но прикрытое гневом, привычным высокомерием.

– Ты? – переспросила я, и голос мой дрогнул. – Яр, ты что? У тебя Полина. Ты изменил мне. Теперь катись к ней.

– Я понимаю, что ты сейчас совершаешь огромную ошибку! – Он повысил голос, его лицо покраснело. – Ты сбежала от Дениса, потому что поняла, что совершила глупость. Не надо было меня оставлять. Ты должна была бороться за наше счастье! Ты не можешь сбежать от меня! От нас! Мы же вместе, Лера! Ты же моя невеста!

Он сделал шаг ближе, почти вплотную. Его дыхание касалось моего лица, его запах давил. Внутри меня что-то щёлкнуло. Щёлкнул замок на клетке, в которую он меня запирали. Всё накопившееся разочарование, боль, глубокая вина перед Денисом, его слова «не усложняй», которые теперь звучали как издевательство, лицо Оксаны, символ его новой жизни, его собственное высокомерие – всё вылилось наружу в одном обжигающем потоке слов.

– Твоя невеста? – прошептала я, глядя ему прямо в глаза, холодно и чётко. – Ты прав. Я твоя невеста. Была. И я изменила тебе. Знаешь с кем? С Денисом. С тем, кого ты презирал, но кто был мне настоящим другом.

Яр как будто оцепенел, он смотрел в мои глаза, не мигая. Тишина заполнила комнату, слышно было только его тяжелое дыхание. Я ждала, вглядываясь в его лицо, надеясь на реакцию, боль или ярость. Но лицо Ярослава не выражало ничего, лишь мелькнуло замешательство, будто он не сразу поверил в мои слова.

Яр замер. Его глаза расширились от удивления. Он даже не сразу понял.

– Что? – Выдохнул он. – Лера, ты шутишь.

– Нет, – я покачала головой, и слёзы снова потекли, но теперь они были горькими и обжигающими, как кислое вино. – Я пошла к Денису. Пьяная. Я изменила тебе, Яр. Со своим лучшим другом. Предала и тебя, и его.

Тишина, повисшая в комнате, была оглушительной. Яр смотрел на меня, и на его лице читалась целая гамма чувств: шок, гнев, боль, неверие. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но не смог. Он просто смотрел на меня, как на незнакомку. Как на ту, которую он не знал.

– Теперь ты понимаешь? – Тихо спросила я. Голос почти не дрожал, только слёзы катились по щекам. – Почему я должна уехать. Почему я не могу быть рядом. Ни с тобой, ни с ним. Я всё испортила. Всё. Свою жизнь, их жизни, доверие.

Мы снова молчали. Он наконец сглотнул и произнес чуть хрипло:

– Так ты действительно спала с ним?

– Да, – прошептала я.

Я быстро схватила вещи дрожащими, но решительными пальцами, обошла его и выбежала из квартиры, оставив его стоять посреди комнаты в полном недоумении. Его лицо изказил гнев и непонимание.

Всхлипывая, я бросилась вниз по лестнице, вырвалась на улицу и побежала прочь от дома, от него, от себя самой. Холодный ночной ветер обжигал слёзы на лице, а слякоть под ногами мешала бежать. Я не знала, куда иду, просто бежала, пока не остановилась у фонаря, опершись на холодный металлический столб. Я разрыдалась во весь голос. Мир рушился на глазах, и я была одна посреди этой катастрофы. Самая виноватая и самая одинокая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.